

Светлана Врагова, художественный руководитель театра "Модерн", когда-то называвшегося "Театром на Спартаковской", больше всего на свете не любит нытиков и бездельников. Она боготворит своих учителей и обожает "серебряный век". Ее "Катерина Ивановна" по пьесе Леонида Андреева вызвала интерес критики и публики, и больше года уже играет в переполненных зрительных залах. Театр "Модерн", безусловно, экспериментальный, но, может быть, пришло время таких театров? Конечно, если экспериментировать в них будут профессионалы.

Светлана ВРАГОВА:

“Я не умею выживать”

даться и задуматься. Всю ночь думала, наутро поняла свою ошибку. Пришла к ней: “Ирина Сергеевна, разрешите еще раз вам показать”. Она посмотрела куда-то в сторону: “Не знаю, когда будет время” (а надо сказать, что у меня ни одной “четверки” по режиссуре не было). После второго показа она просто сказала: “Это – хорошо”. Так я поняла, как надо играть страсть, не облекая ее в “растрепанные волосы и пену на губах”, как показать человека, сохранившего в горе достоинство, а страдания его изображать, не разрывая на себе одежды. Многочему научили меня учителя, и не только в профессии. Имея наставников, легче идти по жизни. Это моя философия. Без них, без этой суровой школы, никогда бы не смогла создать собственный театр. И хотя мои спектакли экспериментальны, можно сказать, авангардны, класс я держу всегда.

– **Что вы называете “классом”?**
– Российскую академическую школу психологического театра. Систему Станиславского (“жизнь человеческого духа”), микронную разработку роли при полном внимании к партнеру. Нас, во всяком случае, так учили работать. Фундаментально воспитывали.

– **Вас кто-то рекомендовал?**
– Нет. Просто шла по улице и зашла туда. Кстати, Завадский написал мне рекомендательное письмо к Юрию Петровичу Любимову. До сих пор его храню, хотя прекрасно понимаю, что на Таганке работать бы не смогла. Там был театр одного мастера, его идей, а в театре Пушкина можно было делать что-то свое. Конечно, хотелось работать над Ионеско, Шекспиром, а мне предложили “Пятое десятилетие” Александра Белинского. Честно говоря, прочитав пьесу, поняла, что пропала (так всегда думаю во время работы), однако спектакль имел зрительский успех. Конечно, никаких режиссерских открытий там не было. Вот вторая моя работа, по драме Романа Солнцева “Ждем человека”, была очень режиссерской, хотя и не имевшей такого успеха.

– **Вы стараетесь предугадать реакцию зрителей?**
– Нет, я никогда не знаю, и не пытаюсь узнать, как публика примет постановку. Всегда жду катастрофы. Что-то придумываю, совершенно не представляя, понравится ли это зрителям.

– **Долго вы работали в театре имени Пушкина?**
– Четыре года. Потом сменилось руководство, ушел Толмазов, и со мной не подписали контракта. Будет правильным сказать, что я не сработалась с новым главным режиссером. Оказалась безработной.

Тяжело переживала уход из театра, не знала, что делать. Помог случай, далеко не “счастливый”. Муж мой был племянником Петра Мироновича Машерова (бывшего тогда 1-м Секретарем ЦК Компартии Белоруссии), но мы никогда не просили его о помощи, да и волновать не хотели. В октябре того года Машеров погиб в автокатастрофе, и на похоронах ко мне подошел один человек (сейчас он член Государственной думы, академик), расспросил о делах. Благодаря ему я и оказалась в Новом драматическом театре, где главным режиссером тогда был Виталий Ланской. Здесь проработала пять лет, а на шестой мне предложили вместе с выпускниками Щепкинского театрального училища (курс Михаила Ивановича Царева) создать театр. Я согласилась и до сих пор за это “расплачиваюсь”.

– **Вы ожидали такого поворота событий?**

– Нет, конечно. Единственное, что тогда понимала, – в Новом драматическом работать больше не смогу. Была в депрессии. Тут (шел 86-87-й год) и получаю это предложение. Начинаю работать и, кажется, у меня получается.

– **Вы создавали новый государственный театр или театр-студию?**

– Только государственный, я бы никогда не пошла ни в какие студии, так как считаю себя профессионалом и люблю заниматься настоящим делом. Поначалу было очень трудно. Год молодые артисты сидели без зарплаты, кто где деньги зарабатывал, кто на кладбище, кто – в бане. Выдержали.

– **Ремонт здания театра сами делали?**

– Пришлось. Здесь была полная разруха. По залам ходили какие-то дяди и тети, пьяница валялся, гвозди кругом, грязь. Мне говорили: “Ты с ума сошла, на что идешь?”. Можно написать еще одну “Как закалялась сталь” о трудностях, которые мы пережили во время обустройства, да и по сей день переживаем, создавая театр по крупицам.

– **Вы, наверное, очень деловой человек – ведь строить театр без этого нельзя?**

– Нет, деловые качества у меня совершенно отсутствуют. Я до сих пор не могу сказать, что знаю систему построения театра. По-моему, с нами происходит нечто фантастическое.

– **Вас кто-то поддерживает?**

– Юрий Михайлович Лужков – наш мэр, Игорь Борисович Бугаев – председатель Комитета по культуре Москвы. Отцы города. Конечно, без их помощи мы бы не выжили. Очень боюсь, что государство сократит театрам дотацию, хотя друзья и успокаивают: “Ну, тебе-то какое до этого дело? Пусть закрывают тех, у кого нет репертуара, кто не держит уровень”. Кстати, у меня тоже есть проблемы с репер-

туаром: негде хранить декорации, “бегаем” с ними по всему зданию.

– **А сколько спектаклей должно быть в репертуаре государственного театра?**

– В таком, как наш, с маленькой труппой, – около восьми. У меня пятнадцать актеров (старшей актрисе – 50 лет, самым молодым – по 20). Звезд нет, ибо к знаменитостям не “приклеиваюсь”, хотя не вижу ничего плохого в том, чтобы с известными актерами сделать хороший и кассовый спектакль. Но – это не мой путь.

– **В каком году вы официально открылись?**

– В 88-м. Сделали с теми талантливыми щепкинцами “Дорогую Елену Сергеевну” (причем пьесу ребята выбирали сами), после чего бывший курс раскололся на две части. Кто-то категорически не принял спектакль, его эстетику. Конечно, на раскол труппы повлияли и головокружительные американские гастроли.

– **Ваша постановка имела успех в Америке. Как вы думаете, почему американцы проявили к ней такой интерес?**

– “Их” газеты называли наши гастроли “триумфальными”. Мы в течение месяца играли с аншлагом “Елену Сергеевну” в Чикаго! Причина успеха, прежде всего, в замечательной игре актеров. Вообще тогда все сошло: интерес американцев к русским артистам, тема пьесы, им тоже близкая. Короче говоря, шума вокруг нас было очень много, поэтому кое-кто, вернувшись, начал чувствовать себя обделенным. Многие уходили искать “лучшей доли”. Так распался “Театр на Спартаковской”, тогда мы (оставшиеся и вновь пришедшие), решили его переименовать. Новое имя театра – “Модерн” не случайно. Вместе с переименованием я начала осуществлять свои давнишние замыслы. Название не случайно пишется с “твердым знаком” – чтобы подчеркнуть принадлежность к “серебряному веку”. Мы, сегодняшние, очень мало о нем знаем. Мне же всегда хотелось дать зрителям возможность понять и полюбить людей того времени. Так родилась “Катерина Ивановна”, поставленная по андреевской пьесе, до нас почти не шедшая.

– **Вы создаете элитарный театр?**

– Не думаю. Я ищу новую сценическую форму, новый способ общения со зрителем, новый театральный “язык”. Конечно, мы не хотим стать театром-шоу, с развлекательными программами для “новых русских”, хотя к нам на спектакли приходит и они, но не “новые русские” из анекдотов, а интеллигентные люди, занимающиеся экономической и политической. Мечтаю создать театр для публики самой разной, а не особо избранной.

– **Каким вы видите “своего” зрителя?**

– Зрителя надо уважать. Ведь каждый человек приходит в наш театр, чтобы услышать и понять самих себя и нас. Они – наши желанные гости, и каждому из них мы рады и желаем счастья.

– **А себе чего вы желаете?**

– Быстрее достроить театр. Хочу, чтобы у нашего театра был большой зрительный зал, и мы смогли бы хранить декорации не в релетионном помещении. Хотелось бы не остаться без государственного финансирования. Все в один голос твердят, что “у нас не жизнь, а выживание”, а я всю свою жизнь именно жила, а не выживала. Не умею “выживать”, это дело клопов и тараканов.

– **Вы сегодня о чем-то жалеете?**

– О том, что молодость проходит. Мне плакаться некогда, я – работаю.

Беседовала
Юлия СЕДОВА

Диалог

– Светлана Александровна, сразу после школы вы поступили на режиссерский факультет ГИТИСа. Почему вы выбрали именно режиссуру?

– Не знаю. Наверное, призвание. Я ведь тогда выбирала между международной журналистикой в МГИМО и режиссерским факультетом ГИТИСа. Думаю, что сделала правильно, став студенткой театрального ВУЗа. У меня были великие учителя – Юрий Александрович Завадский, Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф. Понимаете, нам преподавали ученики Станиславского и Вахтангова, мы были учениками учеников. Главное, что дали нам преподаватели, – пример служения искусству.

Нам преподавали классическую методологию, без экспериментов. Сейчас, мне кажется, так не учат. А ведь в режиссуре так же, как в балете, – нет школы, нет балерины. “Проходили” только реалистический русский театр, строго по школе, по системе Станиславского. Любой шаг вправо-влево вызывал на кафедре дикий протест, например, попробовав поработать над булгаковским “Театральным романом”, я чуть не “вылетела” из ГИТИСа. Конечно, мы читали много разной литературы, имели представление о западном авангарде и завидовали их “свободному творчеству” (возможно, “запреты” и вызвали потом целый “взрыв” авангардных спектаклей, лучшие из которых “замешаны” на четкой классической основе). Кто знает, может, и хорошо, что нам не предоставляли полную свободу, ибо сначала надо научиться классическим основам, а уже потом позволять себе экспериментировать.

Может быть, сегодняшнее состояние нашей культуры объясняется тем, что ушли великие учителя. Они были моими кумирами. Совершенно не замечала их недостатков, да и по сей день уверена, что лучше них я никого не знала. Изящество, культура, аристократизм педагогов меня потрясали. Обожала их. Обожала исходящий от них запах французских духов. Сами понимаю, как духи в 71-м году в Союзе. Да и, конечно, дело не в духах. Эти люди принадлежали к другой культуре. Они умели построить разговор так, что крылья вырастали! Или, наоборот, если ты совершал какой-то проступок, тебя совершенно уничтожали, не замечая. Приходилось стараться изо всех сил, чтобы, исправив ошибку, вновь заслужить право на общение с ними. Они были знамениты, известны во всем мире. Поздороваться с ними – уже был подвиг!

– **Почему?**

– Потому что они были высоко. Представьте себе: идет вам навстречу Юрий Александрович, человек-легенда. Вот у “легенд” я и училась.

– **“Легенды” вас не подавляли?**

– Подавляли, конечно. Да это и правильно. Потому что вынуждали нас собираться с силами и доказывать, что мы – личности. Откуда я знаю, чего стою? Сама про себя могу думать все, что угодно. А на самом деле? Бывает, молодые люди говорят: “Не дави на меня, я – личность”. Ну, к ним “особый подход” ищут, “не подавляют”, а они потом пьют водку, курят всякую гадость, сходят с ума. Меня же подавляли, и я водку не пью. Что лучше? Не знаю. Думаю, наши преподаватели делали все правильно. Выбивали гордыню. И были правы. Помню, как-то показывала один “отрывок” Анисимовой-Вульф, считая, что гениально в нем играю. Она изящно курила “Беломор”, стряхивая пепел в пепельницу, которую я подхалимски таскала за ней повсюду, потом произнесла: “Это так плохо”. И все. Слава Богу, хватило ума не оби-

экран ч
еще не
1997 - 30 окт - 6 нояб - с. 18.